

**"Там, где поэзия капитулирует перед Откровением..."
Писание и христианская литература в творчестве Йохена Клеппера.**

Думаю, что трудно, практически невозможно найти другого писателя, в жизни и творчестве которого Библия играла бы столь выдающуюся и удивительную роль. В романе «Отец» есть сцена, где Йохен Клеппер описывает охваченного порывом религиозной радости прусского короля Фридриха Вильгельма. И вот, как он видит мир в этот момент: «Король пел в вечность, и в какой-то момент, он, поющий перед всем народом, был все же один перед Богом со своим королевским песнопением на устах (...) Все было полно Библией».

Именно таков был взгляд на жизнь и самого Йохена Клеппера: «Все полно Библией». Не столько Божьим присутствием, Божьей благодатью, Божьими энергиями даже, сколько именно Библией. Именно Библия в полном смысле слова наполняла жизнь этого писателя, во всем происходящем с ним он искал и находил отзвуки ее текстов. Его своеобразным девизом стали слова вюртембергского богослова Иоганна Альбрехта Бенгеля (1687-1752) из предисловия к его изданию Нового Завета: «Te totum applica ad textum; et rem totam applica ad te» («Всего себя приложи к тексту и все дело приложи к себе»).

В этом смысле Йохен Клеппер является с одной стороны весьма показательной фигурой, поскольку в его теологии, жизни и писательском творчестве отражаются традиционные мотивы протестантского восприятия Священного Писания. С другой стороны, эти мотивы преломляются у него совершенно особым, ярким и весьма интересным образом.

Однако прежде, чем внимательнее посмотреть на его взгляды, касающиеся Священного Писания и литературы, нам необходимо – хотя бы в общих чертах познакомиться с его не менее удивительной и трагичной биографией, той самой биографией, о которой сам Клеппер мог бы сказать, что она тоже «полна Библией».

Йохен Клеппер родился в 1903 г. в семье силезского пастора. Он изучает теологию, однако бросает учебу незадолго до выпускных экзаменов. Затем он работает журналистом и делает свои первые литературные опыты. Однако важно отметить, что в университете через своих преподавателей он знакомится с одним из интереснейших богословских направлений того времени: «Лютеровским ренессансом». Это было течение, вдохновленное недавно открытой в то время ранней теологией Лютера, в которой особенно остро ставится вопрос о суде Божьем и подчеркивается мысль о том, что Бог милует и спасает через суд и проклятие. Клеппер, как это видно из его дневниковых записей и его творчества глубоко проникается этими идеями.

Судьбоносным становится его брак с Иоганной Штайн. Она вдова, старше его на 12 лет, имеет от первого брака двух дочерей. И самое главное в Германии того времени: она еврейка. В 1932 г. семья переезжает в Берлин, где они живут вплоть до своей гибели. Приход нацистов к власти означает для Клеппера начало притеснений и лишений, связанных с его браком. Но в его отношении режим не был последовательным. Дело в том, что в 1937 г. выходит уже упомянутый роман Клеппера «Отец», в котором тот описывает жизнь первого прусского короля. И здесь Клеппер попадает «в струю». Фридрих Вильгельм был одной из культовых фигур для нацистов. Роман Клеппера пользуется огромной популярностью, причем равно среди пасторов, среди офицеров вермахта и среди высших чиновников Третьего рейха. Был он и в личной библиотеке Гитлера.

Примерно в это же время выходит и сборник духовных стихотворений Клеппера «Кирие». Он также расходуется огромными тиражами. На многие тексты сразу же пишут музыку и поют их на богослужениях¹. И сейчас в официальном сборнике песнопений Евангелической Церкви Германии содержится 12 текстов Клеппера.

Но все же никакая популярность не может спасти от репрессий. Особенно семья Клепперов опасается за дочерей. Когда становится окончательно ясно, что депортации в концлагерь не избежать, семья Клепперов решается на давно продуманный на случай такого исхода шаг – самоубийство. Лучше всего о нем сказал, пожалуй, Рейнхольд Шнайдер, ближайший друг Клеппера, писатель и убежденный католик: *Клеппер взял своих близких за руку и когда у них уже не оставалось никаких прав и никакой защиты для них больше не было, поспешил вместе с ними к Судье, к страшному Отцу, сознавая свою вину и все же будучи уверен в бездонной милости Бога: именно такая смерть, с его точки зрения, стала свидетельством веры и знаком верности. Это было не «нет», но «да», исполненный веры шаг через порог Вечного дома...*²

Рассуждать об этом можно очень долго. Но я здесь остановлюсь.

Одним из главных мотивов в жизни и творчества Клеппера была его страстная любовь к Библии. И эта его любовь заслуживает особого внимания. На первый взгляд, отношение Клеппера к Писанию внешне очень напоминает библицизм. Например, очень простой факт: подбирая библейские эпиграфы к своим стихотворениям, он никогда не дает точную ссылку на источник, а подписывает текст просто: «Библия». Поскольку Клеппер основательно изучал теологию, то такое отношение нельзя воспринять иначе, как осознанный сигнал: Библия важна для него без учета ее научного или экзегетического исследования, как нечто элементарно-цельное, существующее и способное говорить вне исторического, религиозного и культурного контекста. О Библии он может также говорить таким образом: *«Изумляешься тому, что согласно христианской вере, Бог спасение мира связал с книгой, с этой книгой, с Библией...»*³. Сам текст Библии уже является основанием для надежды, более того: спасительной реальностью. Несколько иначе эта же мысль выражена в другом месте из его дневников: *«Выраженные своим языком мои вопросы угнетают меня еще сильнее. Сформулированные словами Писания, они уже заключают в себе освобождение, утешение и ответ...»*⁴

Итак, вопрос вечного спасения, а также толкования событий своей жизни и истории для Клеппера привязан к библейскому тексту, именно к самому тексту, как он есть. Это, действительно, напоминает библейский фундаментализм.

---

¹ Церковная жизнь в Германии середины тридцатых годов была крайне сложной. Если говорить упрощенно, то во-первых, существовала официальная протестантская церковь рейха, созданная государством как попытка объединить всех немецких евангелических верующих (и лютеран, и реформатов), во-вторых, самостоятельное (хоть и постоянно осложняемое со стороны режима) существование продолжали несколько чисто лютеранских земельных церквей, например, в Баварии. Основным предлогом для их отказа от вхождения в имперскую церковь стала именно ее конфессиональная размытость. И, в-третьих, активную деятельность вела Исповедующая церковь, общины которой по церковно-политическим и богословским причинам откололись от официальной церкви, и которая выступала против вмешательства гитлеровского режима в церковные дела. Надо учитывать, что и внутри каждой из упомянутых церквей имела место широкая палитра мнений. Тем не менее, жизнь простых верующих эти расколы и разделения затрагивали не всегда. Большинство просто автоматически оставались членами своих поместных общин, невзирая на их церковно-юридическую принадлежность. Это во многом касалось и Йохена Клеппера. Он, конечно, не мог отделить себя от политических дебатов и проблем, но все-таки старался держаться от них в церковной жизни как можно дальше.

² *Unter dem Schatten deiner Flügel*. Aus den Tagebüchern der Jahre 1932-1942, Stuttgart-Zürich-Salzburg (год издания не указан), предисловие с. 12-13. В дальнейшем ссылки на данную книгу, представляющую из себя издание дневников Клеппера, обозначаются как «Дневники». Перевод всех цитат мой (А.Т.).

³ Jochen Klepper, *Der christliche Roman*, Berlin 1942, с. 12.

⁴ Дневники, запись от 17 ноября 1935 г.

Однако более внимательный взгляд помогает нам понять, что фундаменталистом Клеппер все же не был. Во-первых, он не разделяет типичного для него подозрения к современной науке, совершенно верно в ключе Лютера понимая Библию, как свидетельство о Христе: *«К каким бы научным результатам ни пришли астрономия, геология, биология, антропология: смерть и Воскресение Иисуса Христа должны оставаться центром всех времен»*⁵.

Т. е. Библия ценна для Клеппера не как источник достоверных сведений из всех областей знания, а как нечто иное: весть о смерти и Воскресении Христовом.

Во-вторых, он сам открыто отрекается от него, поскольку – и это, в-третьих – Библия не представляется для него плоской равниной. Совершенно очевидно, что внутри нее для него существует определенная иерархия.

Причем эта иерархия вовлечена в более широкую иерархию, куда входят и внебиблейские тексты: *И проповеди и моления совершаются в покаянии перед Богом, который Сам исполняет все законы Своей святости: (...) Христос для меня – это единственно выносимый для нас образ Бога, явленный среди людей (...) Бог весь во Христе. Но Христос – это еще не весь Бог. Я живу в таких парадоксах веры, – и только когда я читаю Исайю или Лютера мне приходит успокоение*⁶.

Лютер и Исайя стоят здесь для него на одном уровне, с одной стороны. С другой, Лютер в некотором смысле оказывается важнее некоторых библейских текстов, стоит в иерархии Клеппера выше их. Таким образом, по крайней мере, некоторые, небиблейские тексты для него важны также как библейские. К слову, эпиграфами для своих стихотворений он подчас избирает и лютеровские цитаты, причем тоже без ссылки на конкретные источники. Тем самым, по крайней мере, внешне, они оказываются приравнены к библейским изречениям.

И здесь мы переходим к вопросу понимания Клеппером христианского писательского творчества.

Обозначить это его отношение можно при помощи двух кажущихся противоречивыми, но теснейшим образом связанных между собою тезисов:

1. Христианское художественное литературное произведение – это, по сути, ни больше и ни меньше, чем продолжение Библии, своего рода пророческий акт.
2. Любое художественное произведение, христианское в том числе, является нагромождением греха, лжи и пустой суеты.

Первый из этих тезисов можно проиллюстрировать следующей цитатой из самого Клеппера:

*«Что значит какое-либо слово, если оно не основывается на Евангелии от Иоанна? Что значат все книги, если они потрясенно не получают право, освящение и необходимость от той одной книги, которая единственная делает столь великим служение книги»*⁷.

Все книги имеют свой исток и свой смысл в Библии. *«Для нас всякая поэзия – это истолкование Библии»*⁸, – пишет Клеппер в другом месте.

Однако речь идет не просто об истолковании Писания, о привязке к библейскому тексту. Литература для Клеппера – это одновременно истолкование жизни. Причем речь идет не о двух разных моментах, а о двух сторонах одного и того же процесса, поскольку и жизнь для него «полна Библией». Истолковать, понять жизнь можно только исходя из Библии. В этом и заключается подлинное значение литературы: показать реальную жизнь в библейском свете, соединить жизнь с Библией. Литература – это своего рода мостик: от жизни к Писанию, и наоборот.

⁵ Дневники, запись от 29 июля 1937 г.

⁶ Дневники, запись от 16 июля 1933 г.

⁷ Дневники, запись от 22 августа 1937 г.

⁸ Дневники, запись от 6 января 1939 г.

В этом смысле наиболее естественной формой христианского романа для него является роман исторический, в котором писатель как бы угадывает и раскрывает подлинный замысел Бога, стоящий за теми или иными реальными историческими событиями или личностями.

В любом случае творчество писателя и библейские пророчества являются чем-то глубоко родственными: и там, и там речь идет о распознавании скрытой воли Божьей, о раскрытии подлинного смысла человеческой жизни и исторических событий. Это кажется неслыханным дерзновением. Высказывание о том, что Библия является явной или скрытой основой каждой книги, оно не столько смиренно-благочестиво, сколько дерзновенно: каждая христианская книга должна в своей глубине быть Священным Писанием. Клеппер пишет: *«Это необходимое (для христианского писателя – А.Т.) ни в чем не отличается от призвания и поручения, что были даны псалмистам, пророкам и евангелистам. В той мере, в какой он предан Слову Божью, к ним относится – пусть и в более узком смысле – и поэт»*⁹. В этом смысле не случайно то, что Клеппер в самом конце своего эссе, как некий итог цитирует Ин. 21, 25: *«Многое и другое сотворил Иисус; но, если бы писать о том подробно, то, думаю, и самому миру не вместить бы написанных книг. Аминь»*. Служение христианского писателя и есть создание этих, так сказать *«продолжающих и актуализирующих Писание»* книг.

Но нужно вспомнить и о втором, важнейшем тезисе. Любое дело человека является греховным, пустым и ложным. Клеппер замечает: *Католик работает с чувством напрасности своего труда перед людьми и заслуги перед Богом. Мы же, протестанты, должны выносить нашу жизнь с чувством напрасности нашего труда перед людьми и его отверженности, проклятости перед Богом*¹⁰.

Это же касается и писательского творчества. В ответ на недоуменные вопросы своих читателей (прежде всего, своего университетского учителя, профессора Рудольфа Германа¹¹) Клеппер слегка перерабатывает свое эссе о христианском романе и ясно подчеркивает эту возможность ошибки и заблуждения со стороны писателя. Он может, и даже неизбежно будет ошибаться в своих «пророчествах», в своем истолковании воли Божьей. При этом он отмечает: *«Эту возможность заблуждений и ошибок, которая, будучи тяжким грехом, крайне нуждается в Божьем прощении, христианский эпический писатель не может не принимать всерьез (...) В своей крайней ограниченности и смирении, даже в отречении от себя самой, христианская поэзия обретает свое высшее содержание»*¹².

Но это и является по Клепперу сутью протестантизма сознание обреченности неизбежно творить грех, и упование на безусловное Божье прощение. В своих дневниках он пишет, что будет и впредь *«хвалить Бога в сознании своей отверженности, поскольку это и является подлинным материалом протестантизма»*¹³.

Таким образом, свести эти упомянутых тезиса воедино, одновременно исповедовать истину обоих высказываний и творить в полном осознании этих двух истин, это и значит для Клеппера быть христианским поэтом. Он пишет: *Только там, где поэзия уничтожается откровением Писания и истории, действием Бога в людях, там где поэзия капитулирует перед откровением ... только там может проскочить искорка протестантской поэзии... Протестантская поэзия протестует против себя самой*¹⁴.

⁹ Jochen Klepper, *Der christliche Roman*, Berlin 1942, с. 14.

¹⁰ Дневники, запись от 5 ноября 1935 г.

¹¹ Jochen Klepper, *Briefwechsel 1925-1942* / E.G. Riemenschneider, Stuttgart 1973, с. 51.

¹² Jochen Klepper, *Der christliche Roman*, Berlin 1942, с. 24-25.

¹³ Дневники, запись от 10 декабря 1935 г.

¹⁴ Дневники, запись от 16 июля 1933 г.

Эта вестъ о безусловном прощении проклятого грешника является для Клеппера не только центральной вестью Писания, но и той формой, в которую неизбежно облечено литературное осмысление Библии. Эту вестъ мало усвоить и принять, ее надо прожить, испытать на себе. Только такое творчество можно назвать подлинно протестантским, более того: подлинно христианским. Протестантская, христианская поэзия греховна, лжива, но этой своей греховностью и лживостью она указывает на Божье прощение, и тем самым открывает великую и, по сути, единственно важную библейскую истину. Сам вопрос о Священном Писании и его связи с литературным творчеством для Клеппера является, таким образом, глубоко протестантским по своей природе. Мы говорили о том, что литература является для Клеппера как бы мостиком между жизнью и Писанием. Может быть, лучше было бы сказать: не мостиком, а отчаянным, обреченным на неудачу, но именно в этой неудаче и осуществляющимся, прорывом: прорывом из жизни – к Библии.

В этом-то и заключается, собственно, органическая связь Библии и христианской литературы. Библейским христианское литературное произведение и делает распознавание не какой-либо другой, а именно этой истины о грехе и прощении в жизни и судьбе человека. Такая литература (и своим содержанием, и своей судьбой) есть как бы конкретное воплощение данной библейской весты: причем, воплощение, как в конкретном произведении, так и в личности его автора: *Te totum applica ad textum; et rem totam applica ad te.*

Завершить я хочу одним коротким стихотворением Клеппера, которое называется пророк. Мы с вами уже говорили, что к числу пророков вполне можно отнести и христианских писателей.

*Пророк молчал. «Пошли меня, святого» -
Не вырвалось из уст его, ведь страшно
Нам, людям, в руки Бога впасть живого.
Клеймом горит то слово в душах наших.*

*Пророк молчал. «Вот я, приуготовлен!» -
Не вырвалось из уст его: он гневу
Был Бога обречен, но все же, Бог с ним
Как некто с другом своим, вел беседу.*

*Не восклицал пророк: «Горю желаньем!»,
Дотла он Богом был сожжен.
Не утверждал свои он знания,
Но знал, что Богом познан он¹⁵.*

---

¹⁵ Немецкий оригинал см. Jochen Klepper, „Ziel der Zeit“. Die gesammelten Gedichte, Witten und Berlin 1967, с. 18. Перевод мой – А.Т.